fiter de la pente du chemin, ils eussent achevé ce qui restoit du jour en moins d'un demy-quart d'heure; Mais au lieu de tirer de toute leur force, ils ne s'amusoient qu'à faire des courbettes, respirant un air marin qui les faisoit hannir et les advertissoit que la mer estoit proche, où l'on dit que leur Maistre se couche toutes les nuits. Pour parler plus humainement et plus intelligiblement, il estoit entre cinq et six quand une charette entra dans les Halles du Mans».[8]

Имеется по крайней мере два прямых отзвука этого отрывка во вступительной части «Пересмешника»: «Солнце уже начинало дремать, кони его гораздо выбились из сил и захотели кушать, тогда и у нас в доме приказывали накрывать на стол», и в главе девятой (продолжение рассказа монаха о его собственных приключениях), которая начинается следующим образом: «Солнцевы кони перебежали уже восточные ветры, которые вышли с ними в одно время и из одного места, а наши вывезли нас из лесу».[9] Цель обоих авторов — высмеять использование классической мифологии неоклассиками и, как правило, пространные описания закатов и восходов солнца, которые позволяли себе их современники как во Франции, так и в России. Скаррон несомненно пародирует прециозные романы (romans précieux) таких авторов, как сочинительница «Великого Кира» Мадлен де Скюдери, в то время как Чулков обычно нацеливает свою сатиру на произведения Федора Эмина. Однако у Чулкова в данном случае ощущается также элемент автопародии, ибо в рассказы Ладона он включал те же самые перифрастические описания утренней и вечерней зари, которые он пародирует во вступительных главах и рассказах монаха.

Независимо от того, справедливо или нет предположение, что Майков, когда он обращался к «возлюбленному Скаррону», имел в виду Баркова, важно не упускать из виду, что он мог воспользоваться именем Скаррона лишь по той причине, что оно было хорошо знакомо его читателям и не требовало никаких пояснений. Более того, упоминая Скаррона, он мог сразу же показать, что намерен писать поэму в совершенно определенном жанре, в жанре бурлеска. Это должно напомнить нам, что значение Скаррона для русской литературы XVIII в. ни в коем случае не ограничивалось его воздействием на творчество какого-то отдельного писателя, будь то Барков, Чулков или кто-либо другой.

---

[8] Scarron Paul. Le Romant Comique, vol. 1, p. 95. В переводе Теплова этот отрывок выглядит таким образом: «Солнце совершило более половины своего пути, и колесница онаго, до ската мира уже достигшая, бежала скорее, нежели как ей хотелося. Когда бы кони его возжелали пользоваться покатостью дороги, то бы перебежали остатки дня менее как в четверть часа. Но они, вместо того чтоб надрываться, забавлялися токмо лянганием, обоняя морской воздух к ржанию их побуждающей, и напоминающей, что пучина, в которой Феб, как сказывают, каждую ночь покоится, отстоит в малом отдалении По людски и внятно говоря, был шестой час, как на Манской рынок приехала телега».

[9] Русская проза XVIII века, т. I, с. 106, 117.